

Г. Кан, А. Д. ж. Винер. Год 2000-й. Основы для размышлений о предстоящих тридцати трех годах.

Нью-Йорк — Лондон, Изд-во Макмиллан К°, 1967, 431 стр.

H. Kahn and A. J. Wiener. The Year 2000.

A Framework for Speculation on the Next Thirty—Three Years.

The Macmillan Company, New York—London, 1967, 431 p.

Книга Г. Кана и А. Винера занимает особое место среди футурологических исследований, интенсивно ведущихся в последнее время в США и других главных капиталистических странах. Ее отличает, во-первых, глобальный подход к вероятной картине мира в 2000 г.: наряду с количественным сценарием экономического прогноза она содержит также некоторые соображения о развитии науки и техники и характеристику возможных сдвигов в сфере международной политики и социальных отношений в последнюю треть XX в.; во-вторых, описываемый авторами агрегированный прогноз многовариантен.

В настоящей рецензии — в соответствии с профилем журнала — рассматривается лишь экономический аспект прогноза.

Определив на основе анализа взаимосвязанных элементов сложный долговременный «многосторонний тренд», авторы конструируют основные линии развития и создают перспективу, «свободную от неожиданностей». Несмотря на то, что такая перспектива представляется наименее неожиданной по сравнению с любой другой и, стало быть, выглядит как самый спокойный прогноз, «было бы в высшей степени неожиданным, если в любой 33-летний период реальный мир не породил бы в действительности множества политических и технических сюрпризов» (стр. 8). В соответствии с перспективой, «свободной от неожиданностей», и при экономическом развитии по прямой или экспоненте (стр. 333) в воображении авторов возникает «стандартный мир» будущего и восемь его «канонических вариантов», канонических потому, что, стремясь избежать дилеммы буриданова осла, они априорно и преднамеренно фабрикуют эти миры и наделяют их специфическими чертами, исходя не столько из реальных критериев, сколько из соображений методологического удобства. Подобные модификации стандартизованных миров, хотя сами авторы и относятся к ним с изрядной долей скепсиса, представляют собой, по их мнению, «разновидность минимального круга изменений, предназначенную для рационального и систематического рассмотрения» (стр. 12), «круг вероятных и неочевидных результатов существующих условий» (там же).

Попытка охватить в одном труде, каким бы обьемистым он ни был, главные стороны развития общества на длительную перспективу и подойти к этим процессам с точки зрения возможности возникновения самых разных, часто конфликтных и даже полярно противоположных ситуаций, не могла не сказаться на глубине анализа. Если сравнить это исследование с другими долгосрочными американскими прогнозами, то в своей экономической части оно существенно уступает по содержательности, аргументированности выводов и количественным характеристикам работе «Ресурсы США в будущем» и прогнозной межотраслевой модели К. Алмона, в научно-техническом разделе — прогнозу корпорации РЭНД и т. д. Экстенсивный характер исследования никогда не приносит плодов, и книга «Год 2000-й» еще одно тому доказательство.

Собственно говоря, эта книга даже и не является прогнозом в строгом смысле слова. Она не дает ни сбалансированной картины мира на 2000 г., ни сколько-нибудь обоснованного представления о развитии исторического процесса в завершающую треть нашего столетия. Претендующий на достоверность комплексный прогноз требует прежде всего глубокой разработки составляющих его компонентов и затем взаимной увязки, «стыковки» или балансировки экономического, научно-технического, международно-политического и социального прогнозов. Многовариантность же комплексного прогноза обеспечивается анализом того, как изменения в одной сфере человеческой деятельности могут сказаться на поведении других сфер, как возможное создание, скажем, различных военно-политических ситуаций или революционные сдвиги в технике отразятся на развитии экономики, или наоборот.

Ни того, ни другого рецензируемая работа не содержит. Ее экономический раздел, например, «свободен» от серьезного анализа таких ключевых процессов, как предполагаемые изменения в методах, структуре и эффективности общественного производства, государственно-монополистическом регулировании национального хозяйства, размещении производительных сил и организации управления экономикой, мирохозяйственных связях и др. Аппарат количественного анализа

весьма примитивен и, как правило, не выходит за рамки механической экстраполяции сложившихся тенденций, хотя в отдельных случаях учитывает влияние эмпирических и теоретических соображений: так, по «наивному» экстраполяционному прогнозу численность населения земного шара должна составить в 2000 г. 7,2 млрд. человек, а по «свободному от неожиданностей» прогнозу Г. Кана и А. Винера — 6,4 млрд. (стр. 8). Что же касается сведения воедино отдельных частей прогноза и их согласования, то с самого начала авторы предупреждают, что в этом, как и в других отношениях, книга не может считаться «сбалансированной» и «законченной» и что она является лишь «основой для размышлений», как об этом говорит ее подзаголовок (стр. XIX).

На большее книга и не претендует. Она написана в Гудзоновском институте, занимающемся долгосрочным социально-экономическим прогнозированием, по плану исследований Комиссии 2000 г., которая была образована в октябре 1965 г. американской Академией искусств и наук с целью воссоздания «альтернативных картин будущего». Председатель этой Комиссии Д. Белл исходит из презумпции, что главное в современных исследованиях грядущего — это попытка не «предсказать» его, а очертить «альтернативное будущее», или, другими словами, дать «вероятные результаты различного выбора с тем, чтобы государство могло оценить затраты и последствия различных желаний» (стр. XXVI). Предпослав рецензируемой работе свое введение, Д. Белл отмечает, что в ней изложены статистические основы и альтернативные картины будущего, что использование разнообразных методических новшеств и «комбинаций исторического анализа со статистическими методами позволило начертать некоторые необычные (и добавим от себя — разрозненные и парадоксальные — А. Ш.) картины мира завтрашнего дня» (стр. XXVIII).

Именно здесь, по-видимому, следует искать объяснение того факта, что книга «Год 2000-й» за сравнительно короткий срок выдержала четыре издания. Не решая многих проблем, она дает их постановку, указывает направления, подлежащие дальнейшему осмысливанию и анализу. Однако более или менее верная трактовка сложившихся и намечающихся тенденций сосуществует в ней с упрощенным, схематичным, а порой и извращенным описанием объективных процессов, изложение реальных ситуаций — с надуманными конструкциями и ложными обобщениями. Системный анализ подменен бессистемными попытками «предвидеть непредвидимое». Авторы и не скрывают это: «У многих читателей, возможно, вызывает раздражение наша форма

подачи материала. Представляя ряд перечней, часто включающих не связанные между собой вещи, касаясь многих тем лишь вскользь, а некоторые и совсем не затрагивая, и переходя к дополнительным интересным соображениям, изложенным в одном или двух изречениях, мы рискуем испытывать терпение любого читателя, который хотел бы остановиться и серьезно разобраться в каждой позиции» (стр. 26).

На книге лежит неизгладимый отпечаток личных приверженностей и склонностей авторов. Своими предшествующими произведениями Г. Кан, директор Гудзоновского института и один из 30 членов Комиссии 2000 г., зарекомендовал себя как теоретик термоядерной войны, которую он считает средством достижения реальных политических целей в международных отношениях, как идеолог агрессивной политики эскалации военного конфликта, в развитии которой он различает 44 стадии, начиная с простого инцидента и кончая ядерным столкновением. Не удивительно, что сценариям термоядерной войны, вопросам о возможностях ее возникновения, о развитии и последствиях ядерного «Армагеддона» (стр. 317, 384 и др.), гониме обычных и стратегических вооружений в работе уделено гипертрофированное внимание, хотя при конструировании, например, оптимистического и других вариантов экономического развития естественно предполагается отсутствие больших войн в оставшуюся часть века (стр. 118).

Г. Кан и его коллеги по Гудзоновскому институту стремятся предстать перед читателями в тоге беспристрастных исследователей, свободных от преднамеренно принятой идеологической доктрины, не связанных какой-либо теорией общественного развития. «...Ни одно из наших описаний многосторонней тенденции, — утверждают они, — не зависит от принятия той или иной формальной исторической теории» (стр. 7). Но даже беглое ознакомление с их работой не оставляет в тени сомнения в том, что это — маскировка, камуфляж, призванный скрыть, что гудзоновские социологические и экономико-исторические модели будущего находятся на вооружении воинствующего антикоммунизма в его идеологической борьбе против марксизма-ленинизма. Проецируя в будущее «такие тенденции, которые в данный момент являются доминирующими» (стр. 13), ибо элементы «стандартного мира большей частью взяты из сегодняшнего мира, в котором мы живем» (стр. 221), эти модели лишены подлинного динамизма: они отражают статику сегодняшнего или даже вчерашнего дня исторического процесса, консервируют современный этап общественного развития. Формально Г. Кан и А. Винер это оговаривают: «...почти каждый день

с некоторой вероятностью может принести какое-либо неожиданное событие и новые кризисы, которые станут историческим поворотным пунктом, низвергающим текущие тенденции, так что прогнозы на будущее должны меняться» (стр. 13). Но это признается лишь для красного словца. На деле же весь смысл исследования сводится к экстраполяции капиталистических общественных отношений, провозглашению вечности капитализма как воплощения «естественного» правоупорядка.

Апология капитализма пронизывает всю книгу. Она сказывается и в том, что источником и первопричиной войны объявляется не капитализм, империализм, а «человеческая агрессивность», «агрессивные инстинкты и наклонности людей» (стр. 362). Однако наиболее полно и в законченной форме буржуазно-апологетическая тенденциозность проявилась в отстаивании уже утратившей новизну вульгарной социологической концепции стадийного развития производительных сил, противопоставляемой марксову учению о естественно-историческом процессе смены социально-экономических формаций. Г. Кан и А. Винер далеки от того, чтобы делать «открытия» в этой области; они в основном повторяют то, что было сказано до них с разными модификациями У. Ростоу, Р. Ароном, Дж. Голбрейсом, Д. Беллом и др., дополняя их выкладки кое-каким статистическим материалом, прогнозируемым на конец века.

Специальная глава рецензируемой книги посвящена постиндустриальному обществу в «стандартном мире», это же общество рассматривается и в различных канонических вариантах «стандартного мира». Давая суженную трактовку производительных сил, низводимых до уровня техники, наделяя технико-производственные факторы решающей ролью в историческом развитии человечества и полностью игнорируя другую сторону способа производства — систему производственных отношений, — авторы следуют по пути, продолженному первооткрывателями идеи стадий эволюции экономического роста. Они лишь вносят небольшой корректив в схему У. Ростоу: если тот полагал, что США еще только вступают в век массового потребления, то, по мнению его последователей, США уже прошли этот этап и переживают постиндустриальную эру. Восемь рабочих групп, созданных Комиссией 2000 г., приняли в качестве отправного положение, что Со-

единенные Штаты становятся постиндустриальным обществом, где, по определению Д. Белла, «организация теоретических знаний является первостепенной для нововведений в обществе и где интеллектуальные институты становятся центральными в социальной структуре» (стр. XXVII).

Как же выглядит это новое общество, сменяющее общество массового потребления и якобы воцаряющееся в США — главной стране капитализма, которой в книге уделено преимущественное внимание? По мнению авторов, постиндустриальное общество конституирует приводимый ими, видимо для большей убедительности, дважды (на стр. 25 и 186) перечень 15 совершенно разнородных и разноплановых признаков, из которых лишь немногие отражают истинные тенденции: «1) доход на душу населения примерно в 50 раз превышает уровень, достигнутый в доиндустриальном обществе; 2) основная «экономическая» активность сосредоточена в третичных и четвертичных областях (сфера обслуживания), а не в первичных и вторичных (сфера производства); 3) коммерческие фирмы не являются больше основным источником изобретений; 4) возможно, в экономике будет больше согласованности, а не рыночной конкуренции; 5) эффективная нижняя граница для доходов и благосостояния; 6) эффективность не является больше первичным фактором; 7) рынок играет меньшую роль по сравнению с общественным сектором и «социальной выгодой»; 8) широкое распространение «кибернетизации»; 9) «тесный мир»; 10) символическое «удвоение времени» в интервале от 3 до 30 лет; 11) образованное общество; 12) быстрое совершенствование учебных учреждений и методики обучения; 13) разрушение (в «средних классах») таких ценностей, как «стремление к работе», «достижение успеха», «продвижение по службе»; 14) эрозия ценности понятия «национальный интерес»; 15) критерий сенсуалистичный, светский, гуманистический, возможно даже самопропавший, станет основным».

Итак, главное, что отличает изобретенное на берегах Гудзона постиндустриальное общество от предшествующих ему стадий экономического роста — уровень дохода (первая отличительная черта). На 2000 г. проектируются следующие пять ступеней уровня индустриального развития и дохода на душу населения (стр. 58):

1. Предындустриальные страны
2. Частично индустриальные или переходные страны
3. Индустриальные страны
4. Страны массового потребления или высокоиндустриальные
5. Постиндустриальные страны

50 — 200 долл.

200 — 600 долл.

600 — возможно 1500 долл.

возможно 1500 — более 4000 долл.

более 4000 — возможно 2000 долл.

Согласно экономической классификации стран капиталистического мира в разряд явно постиндустриального общества войдут США, Япония, Канада, Западная Германия, Франция, Швейцария, скандинавские страны и страны Бенлюкса; раннего постиндустриального общества — Великобритания, Италия, Австрия, Австралия, Новая Зеландия, Израиль; общества массового потребления — Испания, Португалия, Греция, Ирландия, Аргентина, Венесуэла, Гонконг, Малайзия, Сингапур и др.; вполне зрелого индустриального общества (каким были, например, США в 20-е годы и Европа сразу после первой мировой войны) — Мексика, Уругвай, Чили, Колумбия, Перу, Панама, Ямайка, Таиланд, Филиппины, Турция, Ливан, Ирак, Иран, ЮАС и др.; широко и частично индустриального общества — Бразилия, Пакистан, Индия, Индонезия, ОАР, Нигерия и др.; прединдустриального или мало и частично индустриального общества — остальные страны Африки, Азии, Латинской Америки и остальные арабские страны (стр. 60).

Нужно сказать, что перспектива, которую гудзоновские футурологи рисуют для человечества, малопривлекательна. Это естественно, поскольку капитализм и его идеологи не могут дать вдохновляющих идей. Постиндустриальное общество ни теперь в США, ни к началу XXI в. не является заманчивым. Конечно, заявляют Г. Кан и А. Винер, это будет общество сверх или постизобилия, ориентированное на услуги и досуг, общество, в котором возрастут доступность товаров и таких видов услуг, как транспорт и связь, появится вероятность важных технических изменений, в частности, в такой области, как психофармакология с возможными радикальными последствиями для всей культуры и образа жизни. Вследствие «информационного взрыва» и ускорения происходящих перемен (например, ЭВМ выпуска 1967 г. в 10 раз производительнее ЭВМ выпуска 1964—1965 гг.) постиндустриальная эра, во всей видимости, явится «обществом образования». В отличие от индустриального общества, занятого преимущественно производством товаров, эта эра будет покоиться на принципе научных знаний. Но вместе с капиталистическими отношениями авторы книги экстраполируют на отдаленное будущее социальные язвы и пороки, массовую безработицу, столкновения антагонистических сил, имущественные контрасты и прочие коллизии сегодняшней Америки и других буржуазных обществ.

Из расчетов, приводимых в книге, следует, что в 1985 г. доходы 45%, в 2000 г. — 60%, а в 2020 г. — 65% всех семей в США (цифры округлены) будут ниже среднего уровня по стране (стр.

181). Так же, как и в настоящее время прослойка бедноты будет равна 20% населения (стр. 196). По одному из вариантов, 20—30% рабочей силы, которую образуют в США в 2000 г. 122 млн. человек, или 40% всего населения (318 млн. человек), не найдут применения своему труду: текущая (фрикционная) безработица составит 5% рабочей силы, полутекущая безработица — 5% пассивные отщепенцы — 5%, «добровольно» безработные — 5%, и только 50% рабочей силы будут работать нормальный год, 20% — сверхурочно и 10% — половину рабочего времени, рассматривая работу как хобби (стр. 196).

Оказывается также, что постиндустриальное общество, согласно определениям Г. Кана и А. Винера, будет обществом «моральной и духовной деградации», «исчезновения общей и политической основы», «неизбежного разочарования идеалами и надеждами американской демократии и свободного предпринимательства», «всеобщего отчуждения и эгоистической дезинтеграции», «иррационального поведения» (стр. 214, 215). В этом американском обществе расцветут экстремистские движения. «Многие белые и негры из средних классов, возможно, с безразличием или даже симпатией и одобрением будут относиться к расовым волнениям и акциям разрушения» (стр. 202). Образ жизни лодырей и «хиппи» может стать довольно обычным явлением (стр. 208). Менее грамотная, но в равной степени бунтующая молодежь будет способствовать росту преступлений и правонарушений (стр. 212). И наконец, «многие бродяги, алкоголики, наркоманы, психиатрические и другие неполноценные либо от рождения, либо вследствие болезней люди будут настойчиво добиваться сохранения жизненного уровня, едва достаточного для существования. Некоторые фактически будут придерживаться медленных форм самоубийства, таких, как голодание, прожигание без крова, неправильное питание — как при отдельных формах алкоголизма» (там же). Все эти «прелести» постиндустриального века явятся результатом того, что в нем предполагаются неприкосновенными старые законы и нормы жизни, и важным фактором по-прежнему будет являться «эффективность, определяемая по критерию максимизации прибыли или дохода» (стр. 214) со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Какими путями могут прийти к более высокой ступени развития производительных сил США и другие капиталистические страны, показывает количественный сценарий некоторых «свободных от неожиданностей» экономических прогнозов. В этой главе авторы пытаются предугадать гипотетическую динамику

Таблица 1

Сравнительный прогноз ВВП на душу населения к 2000 г.
(в долл. США 1965 г.)

Государство	В 1965 г.	Средний прогноз		Прогноз с учетом более долгосрочной тенденции		Наиболее ранняя дата для оценки долгосрочной тенденции, годы
		среднегодовой темп прироста, %	в 2000 г.	среднегодовой темп прироста, %	в 2000 г.	
США	3557	3,0	10160	1,8	6750	1869—1873
Канада	2464	3,1	7070	1,6	4300	1870—1879
Франция	1964	3,7	6830	1,6	3400	1810—1820
ФРГ	1905	4,1	7790	1,8	3600	1860—1869
Великобритания	1804	3,7	6530	1,5	3000	1860—1869
Италия	1101	4,1	4450	2,4	2500	1862—1868
Япония	857	6,8	8590	3,7	3100	1878—1887
Индия	99	2,9	270	2,1	205	1950

Таблица 2

Через 35 лет			Через 10 лет		
γ	β	накопленный капитал, трил.	γ	β	накопленный капитал, трил.
0,005	0,03	0,74	0,005	0,03	0,10
0,010	0,03	1,48	0,010	0,03	0,20
0,020	0,03	2,96	0,020	0,03	0,40
0,030	0,03	4,44	0,030	0,03	0,60
0,050	0,03	7,40	0,050	0,03	1,01
0,005	0,05	1,45	0,005	0,05	0,12
0,010	0,05	2,90	0,010	0,05	0,24
0,020	0,05	5,80	0,020	0,05	0,49
0,030	0,05	8,69	0,030	0,05	0,73
0,050	0,05	14,49	0,050	0,05	1,22

показателей производительности труда, численности населения и рабочей силы, праздности и изобилия, валового национального продукта и его компонентов, промышленного производства и иных категорий экономического роста. В оптимистическом варианте они предполагают, что в предстоящие 33 года не будет не только больших войн, но и глубоких экономических кризисов или депрессий. Допуская в одном из последующих разделов «Другие кошмары XXI века» возможность того, что движение экономики по прямой или экспоненте будет прервано «капризами делового цикла», Г. Кан и А. Винер предупреждают, что серьезный кризис перепроизводства внесет существенные коррективы в их проекции.

Оптимистический прогноз основывается на следующих основных факторах: все более возрастающие темпы развития, применения и распространения новой техники, «экспортная» природа технических знаний; современный «культ роста», являющийся национальной политикой государств; ожидаемое повышение роста

производительности труда; смягчение депрессий в развитых капиталистических странах путем дефицитного бюджетного финансирования; улучшение характера международных торговых соглашений (стр. 122—123). Эти факторы, по мнению авторов, перевешивают соображения, которые говорят в пользу того, что темпы роста валового национального продукта (ВВП) в расчете на душу населения будут в предстоящий период ниже долгосрочной тенденции (стр. 119) (см. табл. 1).

Объем ВВП авторы рассчитывают, оценивая общее количество отработанных человеко-часов и стоимость произведенных за час товаров и услуг. Для США, принимая численность населения равной 318 млн. человек, занятость — 38% и среднюю продолжительность годового рабочего времени — 1600 час., они при среднегодовом росте часовой производительности труда в 2,5% получают минимальную величину ВВП в 2,2 трил. долл. в ценах 1965 г. и при среднегодовом росте часовой производительности труда в 4,5% — максимальную величину ВВП в 3,6 трил.

долл. в ценах 1965 г. (стр. 125, 167). Из этого следует, что среднегодовой темп прироста ВВП в период до 2000 г. прогнозируется в вилке 3,4—4,9% и к началу XXI в. его объем в 2—3,5 раза превысит уровень 1965 г. (стр. 167—168).

Другие капиталистические страны находятся и будут находиться на значительно более низком этапе экономического развития. По приводимому в книге примитивному экстраполяционному расчету, чтобы достигнуть американского уровня ВВП на душу населения в 1965 г. Швеции потребуется 11 лет, Канаде — 12, ФРГ — 16, Франции — 18, Великобритании — 19, Японии — 22, Италии — 30, Новой Зеландии — 42, Аргентине — 69, Индии — 117 лет, а Индонезии — даже 593 года (стр. 149). К 2000 г. в развивающихся странах будет жить 3/4 населения земного шара (в 1965 г. — 68%), тогда как объем их производства товаров и услуг составит такую же долю мирового, как и в 1965 г. — 14,5% (стр. 141—142).

Среди канонических вариантов «стандартного мира» наряду с миром, раздвоенным на богатые и бедные, т. е. на индустриально развитые и развивающиеся страны, в книге рассматриваются и гипотезы о мирах с большей степенной интеграции. Одной из таких гипотез является интегрированный мир, ориентированный на развитие или оказание помощи. В этой связи строится модель кумулятивного роста на 10—35 лет вперед на основе иностранной помощи, составляющей от 1 до 3% ВВП развитых стран и эффективно осваивающейся слаборазвитыми в экономическом отношении государствами (стр. 253—254).

Авторы исходят из предположения, что P — валовой продукт развитой части мира, осуществляющей крупные программы помощи, в первый год оказания этой помощи — ежегодного возрастает темпом $(1 + \alpha)$; таким образом, валовой продукт в году n задан формулой $P(1 + \alpha)^n$. Принимается также, что часть этого продукта f_n идет в том же году n на иностранную помощь и что в период $N - n$ лет эти инвестиции будут увеличиваться темпом $(1 + \beta)^{N-n}$ как результат сбережений и реинвестиций в экономику слаборазвитых стран. Тогда чистые капиталовложения в слаборазвитые регионы к году N в результате иностранной помощи, оказанной в году n , составят

$$P(1 + \alpha)^n f_n (1 + \beta)^{N-n},$$

а общий капитал, поступивший в виде иностранной помощи и реинvestирован-

ных сбережений, будет равен

$$P(1 + \beta)^N \sum_{n=1}^N f_n \frac{(1 + \alpha)^n}{(1 + \beta)^n}.$$

При $\gamma = 1/N \sum_{n=1}^N f_n (1 + \alpha)^n / (1 + \beta)^n$ об-

щий инвестированный капитал, имеющийся в наличии в году N в результате N лет иностранной помощи, составит $N \cdot P(1 + \beta)^N$. Далее авторы допускают, что $P = 1,5$ трилл. долл. США, а $N = 35$. Тогда для типичных значений γ и β имеем: капитал = $(1,5) (35) (1 + \beta)^{35} \gamma = 5,25 \gamma (1 + \beta)^{35}$ (см. табл. 2). Значения β от 0,03 до 0,05 предполагают высокий темп чистых сбережений, разумное инвестирование дополнительных сбережений, а также неизменность коэффициента капитал — продукт в развивающихся странах даже при крупных капиталовложениях. Таким образом, если маргинальная (только от дохода с проектов развития) норма сбережения — инвестиции равна 20%, а отношение капитал — продукт на инвестированные сбережения равно 4, то $\beta = 0,05$. Если же норма сбережений равна 15%, а коэффициент капиталоемкости равен 5, то $\beta = 0,03$. Хотя эти цифры и реальны для современных условий, не исключено, что на этом уровне не удастся удержаться, если предельные возможности инвестирования окажутся менее благоприятными. Г. Кан и А. Винер приходят к выводу, что к 2000 г. в развивающихся странах могут аккумулироваться солидные капиталы. Если исходить из того, что 4 долл. инвестиций приносят доход на душу населения в 1 долл., тогда 1 трил. дополнительного капитала достаточно для увеличения дохода 1 млрд. человек дополнительно на 250 долл. на душу населения (сверх 100—300 долл. ожидаемого роста за счет других источников). Согласно этому варианту (прогноз, «свободный от неожиданностей», исключает такой внушительный прогресс), имеющегося к тому времени капитала, вероятно, хватит для того, чтобы к 2000 г. поднять доход на душу населения в большинстве развивающихся стран на уровень выше 500 долл. и во всех этих странах — на уровень 300—500 долл.

Время покажет, насколько реальны «альтернативные картины будущего», созданные в Гудзоновском институте. В конце концов, 2000 год не так уж далек, и многие взрослые люди, живущие сегодня, будут играть активную роль в общественной жизни начала XXI в. Во всяком случае, прогнозы в области науки, техники и экономики, действительно, дают известную основу для раздумий,

* Если $\alpha = \beta$, а все f_n равны, то $\gamma = f_n$. Это приводит к случаю «интуитивной интерпретации» γ (Прим. авторов).

хотя Г. Кан и А. Винер рисуют такое множество картин будущего мира, дают такие вилки в своих количественных оценках, что предстоящее развитие может пойти по одному из этих радиальных путей. Но совершенно очевидно, что изменения в социальной и международно-политической жизни человечества будут происходить не по канонам книги «Год 2000-й». История оставшихся деся-

тилетий нашего века преподнесет не один сюрприз ее авторам, и их «свободная от неожиданностей», перспектива может очень скоро оказаться делом давно минувших лет. Социализм находится в историческом наступлении, и грядущее принесет новые победы мировому революционному процессу.

А. И. Шапиро
